

**КОЛЛЕКЦИЯ
ЛЮБИМЫХ КНИГ**

ДРУЖБА С КНИГОЙ
НАЧИНАЕТСЯ В ДЕТСТВЕ
И ПРОДОЛЖАЕТСЯ
НА ПРОТЯЖЕНИИ ВСЕЙ ЖИЗНИ.

Редьярд КИПЛИНГ

Рикки-Тикки-Тави

СКАЗКИ

Иллюстрации Владимира Канивца

#эксмогетство

Москва

2023

УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)-44
К42

Киплинг, Редьярд.
К42 Рикки-Тикки-Тави : сказки / Редьярд Киплинг ; иллюстрации Владимира Канивца ; [перевод с английского Любови Хавкиной и Евгении Чистяковой-Вэр]. — Москва : Эксмо, 2023. — 160 с. : ил. — (Коллекция любимых книг).

ISBN 978-5-04-178299-3

В сборник вошли как известные сказки Редьярда Киплинга из цикла «Сказки просто так», так и редко издаваемые рассказы из «Книги джунглей»: «Белый котик», «Слуги Её величества», «Маленький Тумаи» и «Квикверн». Герои произведений Киплинга смелые и внутренне сильные: ценой огромных усилий они справляются с трудностями и спасают себя и своих родных от врагов и опасностей. Прекрасным дополнением к интересным историям станут красочные иллюстрации Владимира Канивца.

УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-178299-3

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Слонёнок

В отдалённые времена, милые мои, слон не имел хобота. У него был только черноватый толстый нос, величиною с сапог, который качался из стороны в сторону, и поднимать им слон ничего не мог. Но появился на свете один слон, молоденький слон, слонёнок, который отличался неугомонным любопытством и поминутно задавал какие-нибудь вопросы. Он жил в Африке и всю Африку одолевал своим любопытством. Он спрашивал своего высокого дядю страуса, отчего у него перья растут на хвосте; высокий дядя страус за это бил его своей твёрдой-претвёрдой лапой. Он спрашивал свою высокую тётю жирафу, отчего у неё шкура пятнистая; высокая тётя жирафа за это била его своим твёрдым-претвёрдым

копытом. И всё-таки любопытство его не унималось! Он спрашивал своего толстого дядю гиппопотама, отчего у него глаза красные; толстый дядя гиппопотам за это бил его своим широким-прешироким копытом. Он спрашивал своего волосатого дядю павиана, отчего дыни имеют такой, а не иной вкус; волосатый дядя павиан за это бил его своей мохнатой-премохнатой рукой. И всё-таки любопытство его не унималось! Он задавал вопросы обо всём, что только видел, слышал, пробовал, нюхал, щупал, а все дядюшки и тётушки за это били его. И всё-таки любопытство его не унималось!

В одно прекрасное утро перед весенним равноденствием¹ неугомонный слонёнок задал новый странный вопрос. Он спросил:

— Что у крокодила бывает на обед?

¹ Весеннее равноденствие наступает 20–21 марта. В этот день долгота дня и ночи одинакова.

Все громко закричали «ш-ш» и принялись долго, безостановочно бить его.

Когда наконец его оставили в покое, слонёнок увидел птицу коло-коло, сидевшую на кусте терновника, и сказал:

— Отец бил меня, мать била меня, дядюшки и тётушки били меня за неугомонное любопытство, а я всё-таки хочу знать, что у крокодила бывает на обед!

Птица коло-коло мрачно каркнула ему в ответ:

— Ступай на берег большой серо-зелёной мутной реки Лимпопо, где растут деревья лихорадки, и сам посмотри!

На следующее утро, когда равноденствие уже окончилось, неугомонный слонёнок взял сто фунтов¹ бананов (мелких с красной кожицей), сто фунтов сахарного тростника (длинного с тёмной корой) и семнадцать дынь (зелёных, хрустящих) и заявил своим милым родичам:

¹ Фунт — английская мера веса, равная 454 граммам. Значит, слонёнок взял почти по 45 с половиной килограммов бананов и сахарного тростника.

— Прощайте! Я иду к большой серо-зелёной мутной реке Лимпопо, где растут деревья лихорадки, чтобы узнать, что у крокодила бывает на обед.

Он ушёл, немного разгорячённый, но нисколько не удивлённый. По дороге он ел дыни, а корки бросал, так как не мог их подбирать.

Шёл он, шёл на северо-восток и всё ел дыни, пока не пришёл на берег большой серо-зелёной мутной реки Лимпопо, где растут деревья лихорадки, как ему говорила птица коло-коло.

Надо вам сказать, милые мои, что до той самой недели, до того самого дня, до того самого часа, до той самой минуты неугомный слонёнок никогда не видал крокодила и даже не знал, как он выглядит.

Первый, кто попался слонёнку на глаза, был двухцветный питон (огромная змея), обвившийся вокруг скалистой глыбы.

— Простите, — вежливо сказал слонёнок, — не видали ли вы в этих краях крокодила?

— Не видал ли я крокодила? — гневно воскликнул питон. — Что за вопрос?

— Простите, — повторил слонёнок, — но не можете ли вы сказать мне, что у крокодила бывает на обед?

Двухцветный питон мгновенно развернулся и стал бить слонёнка своим тяжёлым-претяжёлым хвостом.

— Странно! — заметил слонёнок. — Отец и мать, родной дядюшка и родная тётушка, не говоря уже о другом дяде гиппопотаме и третьем дяде павиане, все били меня за неугомное любопытство. Вероятно, и теперь мне за это же достаётся.

Он вежливо попрощался с питоном, помог ему опять обвиться вокруг скалистой глыбы и пошёл дальше, немного разгорячённый, но нисколько не удивлённый. По дороге

он ел дыни, а корки бросал, так как не мог их подбирать. У самого берега большой серо-зелёной мутной реки Лимпопо он наступил на что-то, показавшееся ему бревном.

Однако в действительности это был крокодил. Да, милые мои. И крокодил подмигнул глазом — вот так.

— Простите, — вежливо сказал слонёнок, — не случилось ли вам в этих краях встречать крокодила?

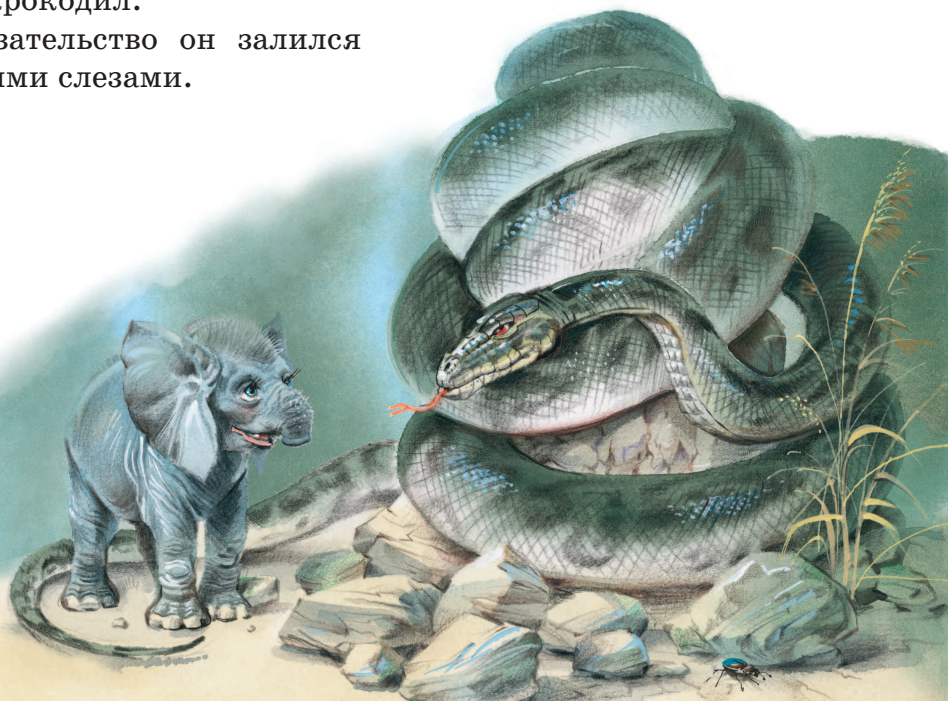
Тогда крокодил прищурил другой глаз и наполовину высунул хвост из тины. Слонёнок вежливо попятился; ему вовсе не хотелось, чтобы его опять побили.

— Иди сюда, малютка, — сказал крокодил. — Отчего ты об этом спрашиваешь?

— Простите, — вежливо ответил слонёнок, — но отец меня бил, мать меня била, не говоря уж о дяде страусе и тёте жирафе, которая дерётся так же больно, как дядя гиппопотам и дядя павиан. Бил меня даже здесь, на берегу, двухцветный питон, а он своим тяжёлым-претяжёлым хвостом колотит больнее их всех. Если вам всё равно, то, пожалуйста, хоть вы меня не бейте.

— Иди сюда, малютка, — повторило чудовище. — Я — крокодил.

И в доказательство он залился крокодиловыми слезами.

У слонёнка от радости даже дух захватило. Он стал на колени и сказал:

— Вы тот, кого я ищу уже много дней. Будьте добры, скажите мне, что у вас бывает на обед?

— Иди сюда, малютка, — ответил крокодил, — я тебе скажу на ушко.

Слонёнок пригнул голову к зубастой, зловонной пасти крокодила. А крокодил схватил его за нос, который у слонёнка до того дня и часа был не больше сапога, хотя гораздо полезнее.

— Кажется, сегодня, — сказал крокодил сквозь зубы, вот так, — кажется, сегодня на обед у меня будет слонёнок.

Это вовсе не понравилось слонёнку, милые мои, и он сказал в нос — вот так:

— Не надо! Пустите!

Тогда двухцветный питон со своей скалистой глыбы прошипел:

— Мой юный друг, если ты сейчас не примешься тянуть изо всех сил, то могу тебя уверить, что твоё знакомство

с большим кожаным мешком (он имел в виду крокодила) окончится для тебя плачевно.

Слонёнок сел на берег и стал тянуть, тянуть, тянуть, а его нос всё вытягивался. Крокодил барахтался в воде, взбивая белую пену хвостом, а слонёнок тянул, тянул, тянул.

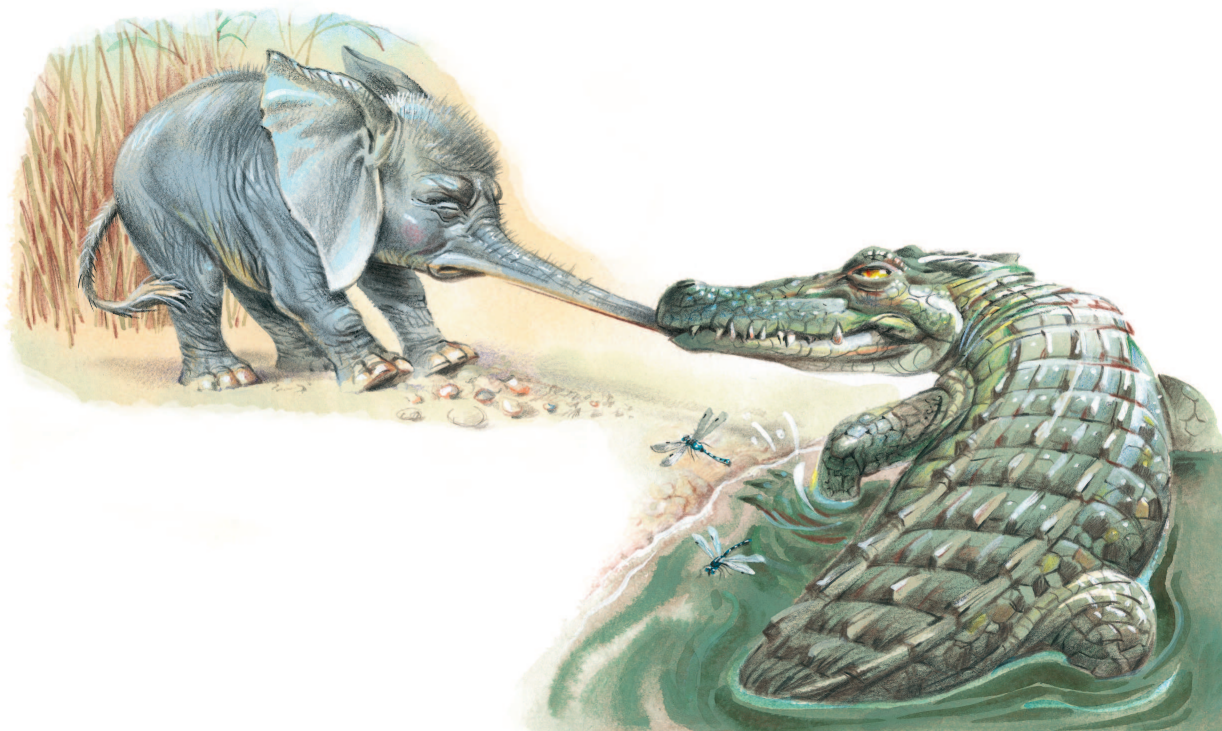
Нос слонёнка продолжал вытягиваться. Слонёнок упёрся всеми четырьмя ногами и тянул, тянул, тянул, а его нос продолжал вытягиваться. Крокодил загребал хвостом воду, словно веслом, а слонёнок тянул, тянул, тянул. С каждой минутой нос его вытягивался — и как же ему было больно, ой-ой-ой!

Слонёнок почувствовал, что его ноги скользят, и сказал через нос, который у него теперь вытянулся аршина¹ на два:

— Знаете, это уже чересчур!

Тогда на помощь явился двухцветный питон. Он обвился двойным кольцом вокруг задних ног слонёнка и сказал:

¹ Аршин — старинная мера длины, равная 71 сантиметру.

— Безрассудный и опрометчивый юнец! Мы должны теперь хорошенько приналечь, иначе тот воин в латах (он имел в виду крокодила, милые мои) испортит тебе всю будущность.

Он тянул, и слонёнок тянул, и крокодил тянул. Но слонёнок и двухцветный питон тянули сильнее. Наконец крокодил выпустил нос слонёнка с таким всплеском, который слышен был вдоль всей реки Лимпопо.

Слонёнок упал на спину. Однако он не забыл сейчас же поблагодарить двухцветного питона, а затем стал ухаживать за своим бедным вытянутым носом: обернул его свежими банановыми листьями и погрузил в большую серо-зелёную мутную реку Лимпопо.

— Что ты делаешь? — спросил двухцветный питон.

— Простите, — сказал слонёнок, — но мой нос совсем утратил свою форму, и я жду, чтобы он съёжился.

— Ну, тебе долго придётся ждать, — сказал двухцветный питон. — Удивительно, как иные не понимают собственного блага.

Три дня слонёнок сидел и ждал, чтобы его нос съёжился. А нос несколько не укорачивался и даже сделал ему глаза раскосыми. Вы понимаете, милые мои, что крокодил вытянул ему настоящий хобот — такой, какой и теперь бывает у слонов.

Под конец третьего дня какая-то муха укусила слонёнка в плечо. Сам не отдавая себе отчёта, он поднял хобот и прихлопнул муху насмерть.

— Преимущество первое! — заявил двухцветный питон. — Этого ты не мог бы сделать простым носом. Ну, теперь покушай немного!

Сам не отдавая себе отчёта, слонёнок протянул хобот, выдернул огромный пучок травы, выколотил её о свои передние ноги и отправил к себе в рот.

— Преимущество второе! — заявил двухцветный питон. — Этого ты не мог бы сделать простым носом. Не находишь ли ты, что здесь солнце сильно припекает?

— Правда, — ответил слонёнок.

Сам не отдавая себе отчёта, он набрал тины из большой серо-зелёной мутной реки Лимпопо и выплеснул себе на голову. Получился грязевой чепчик, который растёкся за ушами.

— Преимущество третье! — заявил двухцветный питон. — Этого ты не мог бы сделать простым носом. А не хочешь ли быть битым?

— Простите меня, — ответил слонёнок, — вовсе не хочу.

— Ну, так не хочешь ли сам побить кого-нибудь? — продолжал двухцветный питон.

— Очень хочу, — сказал слонёнок.

— Хорошо. Вот увидишь, как для этого тебе пригодится твой новый нос, — объяснил двухцветный питон.

— Благодарю вас, — сказал слонёнок. — Я последую вашему совету. Теперь я отправлюсь к своим и на них испробую.

Слонёнок пошёл домой через всю Африку, крутя и вертя своим хоботом. Когда ему хотелось полакомиться плодами, он срывал их с дерева, а не ждал, как прежде, чтобы они сами упали. Когда ему хотелось травы, он, не нагибаясь, выдёргивал её хоботом, а не ползал на коленях, как прежде. Когда мухи кусали его, он выламывал себе ветку и обмахивался ею. А когда солнце припекало, он делал себе новый прохладный чепчик из тины. Когда ему скучно было идти, он мурлыкал песенку, и через хобот она звучала громче медных труб. Он нарочно свернул с дороги, чтобы найти какого-нибудь толстого гиппопотама (не родственника) и хорошенько его отколотить. Слонёнку хотелось убедиться, прав ли двухцветный питон относительно его нового хобота. Всё время он подбирал корки дынь, которые побросал по дороге к Лимпопо: он отличался опрятностью.

В один тёмный вечер он вернулся к своим и, держа хобот кольцом, сказал:

— Здравствуйте!

Ему очень обрадовались и ответили:

— Иди-ка сюда, мы тебя побьём за неугомонное любопытство.

— Ба! — сказал слонёнок. — Вы вовсе не умеете бить. Зато посмотрите, как я дерусь.

Он развернул хобот и так ударил двух своих братьев, что они покатались кувырком.

— Ой-ой-ой! — воскликнули они. — Где ты научился таким штукакам?.. Пстой, что у тебя на носу?

— Я получил новый нос от крокодила на берегу большой серо-зелёной мутной реки Лимпопо, — сказал слонёнок. — Я спросил, что у него бывает на обед, а он мне дал вот это.

— Некрасиво, — сказал волосатый дядя павиан.

— Правда, — ответил слонёнок, — зато очень удобно.

С этими словами он схватил своего волосатого дядю павиана за мохнатую руку и сунул его в гнездо шершней.

Затем слонёнок принялся бить других родственников. Они очень разгорячились и очень удивились. Слонёнок повыдергал у своего высокого дяди страуса хвостовые перья. Схватив свою высокую тётку жирафу за заднюю ногу, он проволок её через кусты терновника. Слонёнок кричал на своего толстого дядюшку гиппопотама и задувал ему пузыри в ухо, когда тот после обеда спал в воде. Зато он никому не позволял обижать птицу коло-коло.

Отношения настолько обострились, что все родичи, один за другим, поспешили на берег большой серо-зелёной мутной реки Лимпопо, где растут деревья лихорадки, чтобы добыть себе у крокодила новые носы. Когда они вернулись назад, то больше никто уже не дрался. С той поры, милые мои, все слоны, которых вы увидите, и даже те, которых вы не увидите, имеют такие же хоботы, как неугомонный слонёнок.

Всё это случилось много лет тому назад на острове св. Павла, в месте, которое называется Северо-Восточный Мыс, далеко-далеко в Беринговом море. Зимний королёк Лиммершин рассказал мне эту историю, когда ветер прибил его к оснастке шедшего в Японию парохода, и я отнёс его в каюту, согрел и несколько дней кормил, так что наконец он мог опять улететь на остров св. Павла. Лиммершин — странная птичка, но он умеет говорить правду.

БЕЛЫЙ КОТИК

Северо-Восточный Мыс посещают исключительно по делам, а настоящее дело там бывает только у котиков, и в летние месяцы они сотнями и сотнями тысяч приплывают к его берегам из холодного северного моря. Для котиков нигде в море нет таких удобств, как у берегов Северо-Восточного Мыса.

Морской Ловец отлично знал это и с наступлением весны нёсся к берегам Северо-Восточного Мыса и целый месяц бился там со своими товарищами за хорошее место на берегу, поближе к морю. Ему уже минуло пятнадцать лет; это был крупный серый зверь с мехом, образовавшим почти гриву на его плечах, и с длинными злобными клыками. Поднимаясь на своих передних лапах, он возвышался больше чем на четыре фута¹ над землёй, а если бы кто-нибудь решился его взвесить, он потянул бы почти семьсот фунтов. Всё тело этого котика покрывали шрамы, следы жестоких боёв, но он всегда бывал готов снова драться. Морской Ловец склонял голову набок, точно боясь взглянуть в глаза своему врагу, потом, как молния, кидался на него. Когда крупные зубы Морского Ловца впивались в шею его противника, тот, конечно, мог вырваться, если находил в себе на то силы, только Морской-то Ловец не помогал ему в этом отношении.

Зато Морской Ловец никогда не преследовал побеждённо: это было против правил Берега. Он только желал получить место подле моря для своей «детской». Однако ввиду того что сорок или пятьдесят тысяч котиков каждую весну

¹ Фут — 30,5 сантиметра.

стремились к тому же, визг, плеск, рёв, вой и шум на берегу сливались во что-то страшное.

С небольшого холма, называемого Холмом Гутчинсона, вы могли бы видеть пространство в три с половиной мили, всё покрытое дерущимися; волны прибоя усеивали головы котиков, спешивших к земле тоже ради борьбы. Они дрались среди прибрежных камней; дрались на песке; дрались на истёртых гладких базальтовых камнях «детских», потому что были так же тупы и несговорчивы, как люди. Их жёны являлись только в последних числах мая или в начале июня; они не желали быть растерзаны. Молодые двух-, трёх- и четырёхлетние котики, которые ещё не обзавелись хозяйством, миновали ряды дерущихся, около полумили проходили в глубь острова и целыми legionами принимались играть на песчаных дюнах, уничтожая всё зелёное, что только выросло из земли. Их называли холостяками, и, может быть, на одном Северо-Восточном Мысе собиралось около двухсот или трёхсот тысяч таких молодых котиков.

Однажды весной Морской Ловец только что закончил свой сорок пятый бой, когда Матка, его нежная жена с кроткими глазами, вышла из моря, а он схватил её за шиворот, опустил на свой участок и ворчливо сказал:

— Как всегда опоздала! Где ты была?

В течение тех четырёх месяцев, которые Морской Ловец оставался на отмелях, он ничего не ел, а потому бывал обыкновенно в дурном настроении. Матка знала, что ему не нужно отвечать. Она огляделась кругом и нежно промурлыкала:

— Как ты заботлив. Ты опять занял прежнее место!

— Я думаю — занял! — сказал Морской Ловец. — Посмотри на меня.

Он был весь исцарапан; из его тела кровь сочилась местами в двадцати; один его глаз почти совсем закрылся, а бока были в лохмотьях.

— Ох вы, мужчины, мужчины, — сказала Матка, обвевая себя задним ластом. — Почему это вы не можете быть благо-разумны и спокойно занимать места? Право, можно думать, что ты дрался с косаткой Убийцей Китов.

— С половины мая я только и делал, что дрался. В нынешнем году берег наполнен до противности. Я встретил, по крайней мере, сотню котиков с Луканнонской отмели, которые отыскивали пристанище. Почему это никто не хочет оставаться в своих собственных областях?

— Я часто думала, что мы были бы гораздо счастливее, если бы устроились на острове Выдры, а не оставались в этом густонаселённом месте, — заметила Матка.

— Ба, на остров Выдры плавают только молодёжь. Если бы мы отправились туда, все подумали бы, что мы боимся. Нам необходимо заботиться о сохранении приличий, моя милая.

Морской Ловец гордо втянул голову в плечи и несколько минут притворялся, будто он спит, а между тем всё время наблюдал, нельзя ли подраться. Теперь, когда на земле уже собрались все котики и их жёны, вы могли бы за несколько миль от берега услышать в море их шум, покрывавший громкий прибой волн. На берегу было более миллиона котиков: старые котики, маленькие котики, их матери и холостяки. Они дрались, ссорились, кричали, ползали и играли; уплывали в море; толпами и полками возвращались к суше; лежали на каждом футе берега, насколько мог видеть глаз; бригадами шныряли, пронизывая туман. Здесь почти всегда туманно, за исключением тех дней, в которые на короткое время выходит солнце и всему придаёт цвет жемчуга или радуги.

Детёныш Матки, Котик, родился в разгар смятения; он весь состоял из головы и плеч и смотрел бледными, водянисто-голубыми глазами; всё, как подобало новорождённому детёнышу. Тем не менее в его шёрстке было что-то, что заставило Матку очень внимательно присмотреться к нему.

— Морской Ловец, — сказала она, помолчав, — наш маленький будет белый.

— Пустые прибрежные раковины и сухие водоросли! — фыркнул Морской Ловец. — В мире никогда не бывало белого котика.

— Я не виновата, — сказала Матка, — но теперь будет, — и она запела тихую воркующую песенку, которую все матери поют своим детёнышам-котикам: «Не плавай, пока тебе не минет шести недель, не то твоя голова погрузится в воду» и т. д.

Конечно, сперва маленькое существо не понимало её слов. Котик возился и играл подле своей матери и научился быстро уходить прочь, когда его отец дрался с другим котиком и бойцы с громким рёвом катались по скользким камням. Матка отправлялась за едой в море и кормила детёныша только через день; но тогда он жадно бросался на пищу и ел столько, сколько мог съесть.

Раз Котик прошёл подальше, в глубь острова, и встретил там десятки тысяч своих сверстников. Они играли, как щенята; засыпали на чистом песке, просыпались, снова начинали возиться. Взрослые не обращали на них внимания; холостяки держались на своём участке, а потому у малюток было много времени для забав.

Возвращаясь с рыбной ловли в глубоком море, Матка прямо направлялась к месту их игр и принималась звать Котика голосом овцы, призывающей своего ягнёнка, и ждала, чтобы он откликнулся. Едва услышав его блеяние, она прямоком двигалась в его направлении, сильно ударяя о землю своими передними лапами и расталкивая головой малышей, которые падали вправо и влево от неё. Несколько сотен матерей всегда отыскивало своих маленьких в месте их игр, и юным котикам порядочно доставалось от них; но Матка справедливо говорила Котику:

— Пока ты не лежишь в грязной воде и не худеешь, пока жёсткие песчинки не попадают в царапины или порезы на твоём теле, пока ты не плаваешь в бурю, с тобой ничего не случится.

Маленькие котики плавают не лучше маленьких детей. Когда Котик в первый раз пошёл в море, волна унесла его на такую глубину, где он мог утонуть; его большая голова погрузилась в воду; его маленькие задние ласты поднялись вверх совершенно так, как Матка говорила ему в колыбельной песне, и если бы следующая волна не кинула его обратно, он утонул бы.

После этого он научился так лежать в луже на отмели, чтобы набегающие волны покрывали его и поднимали, в это время он загребал воду лапами и смотрел, не подходят ли большие волны, которые могли бы ему повредить. Две недели учился он работать своими лапами и всё это время то входил в воду, то выходил из неё; с криком, похожим на кашель, или хрюканьем выползал на берег повыше и спал, как кошечка, на песке; потом опять отправлялся в море и наконец понял, что его настоящая стихия — вода.

Теперь вы можете представить себе, как он веселился со своими товарищами, то ныряя под морские валы, то поднимаясь на гребень водяной гряды, то выходя на землю среди шипения воды и разлетающихся брызг, когда большой вал, крутясь, набегал на отмель. Порой, стоя на хвосте, и он почёсывал голову, совершенно как старые котики, или играл в игру «Я король замка» на осклизлых, покрытых водорослями скалах, едва выдававшихся из воды. Время от времени Котик замечал подплывающий к берегу тонкий плавник, похожий на перо крупной акулы, и знал, что это Убийца Китов (косатка), который поедает молодых котиков, когда может добраться до них. И Котик, как стрела, мчался к отмели, а плавник медленно удалялся.

В конце октября целые семьи и стаи котиков стали покидать остров св. Павла, направляясь в открытое море; бои из-за места прекратились, и холостяки теперь играли, где им вздумается.

— В будущем году, — сказала Котику его мать, — ты будешь холостяком; а пока тебе нужно научиться ловить рыбу.

Они вместе пустились по Тихому океану, Матка показала Котику, как надо спать на спине, прижав плавники к бокам и выставив носик из воды. В мире нет колыбели спокойнее длинных, гладких, качающихся валов Тихого океана. Когда Котик почувствовал лёгкий зуд во всей коже, Матка сказала ему, что он начинает понимать воду; что этот зуд и покалывание предвещают наступление дурной погоды и что значит ему нужно плыть во всю силу и уйти подальше.

— Скоро, — сказала она, — ты будешь также понимать, куда именно надо плыть; до поры же до времени следи за Морской Свиньёй, дельфином; он очень умён.

Целая толпа дельфинов ныряла и неслась, разрезая воду, и маленький Котик помчался за ними.

— Почему вы знаете, куда надо плыть? — задыхаясь спросил он.

Вожак выпучил свои белесоватые глаза и нырнул в глубину.

— У меня зуд в хвосте, малыш, — сказал он, — а это обозначает, что позади меня буря. Вперёд! Когда ты будешь южнее Стоячей Воды (он подразумевал экватор), и у тебя поднимется зуд в хвосте, знай, что перед тобой буря, и поворачивай на север. Вперёд! Я чувствую, что вода здесь очень опасна.

Это одна из тех вещей, которые узнал Котик, а он постоянно учился. Матка сказала, что ему следует плыть за треской и палтусом вдоль подводных мелей, научиться обследовать обломки судов, лежащие на сотню сажень¹ под водой; проскальзывать, точно ружейная пуля, в один иллюминатор

¹ Сажень — старая русская мера длины, равная 2,13 метра.

затонувшего корабля и вылетать из другого, как это делают рыбы; танцевать на гребнях волн, когда молния бороздит небо, и вежливо махать одним своим ластом летящим по ветру короткохвостому альбатросу и морскому соколу; выскакивать из воды на три или четыре фута, как дельфин, прижимая к бокам ласты и изгибая хвост; не трогать летучих рыб, потому что они состоят из одних костей; на полном ходу и на глубине десяти саженей отрывать зубами лакомый кусочек спинки трески; никогда не останавливаться и не смотреть на лодку или на корабль, особенно же на гребную шлюпку. Через шесть месяцев Котик не знал о рыбной ловле в открытом море только того, чего и знать не стоило; и всё это время ни разу не вышел на сушу.

Но однажды, когда Котик дремал, лёжа в тёплой воде где-то невдалеке от острова Хуана Фернандеса, он почувствовал лень, такую ощущают люди, когда весна забирается в их тело; в то же время ему вспомнились славные твёрдые берега Северо-Восточного Мыса за семь тысяч миль от него, игры его товарищей, запах морской травы и рёв котиков во время боя. В ту же самую минуту он повернул к северу, торопливо поплыл в этом направлении и скоро встретил десятки своих товарищей, которые все спешили туда же. Они сказали:

— Здравствуй, Котик! В этом году мы, холостяки, можем протанцевать «огненный танец» среди прибрежных камней Луканнона и поиграть на молодой траве. Но откуда взял ты такой мех?

Теперь у Котика была почти совершенно белая шкура, и, хотя он гордился ею, но ответил только:

— Плывите быстрее. Мои кости тоскуют по земле.

Наконец все они вернулись к родным отмелям и услышали, как старые котики дрались между собой в клубах тумана.

В первую ночь Котик протанцевал «огненный танец» со своими сверстниками. В летние ночи всё пространство моря

от Северо-Восточного Мыса до Луканнона полно огня, и каждый котик оставляет позади себя след, похожий на полосу горящего масла; когда он прыгает, поднимается пламенный всплеск. А от волн, набегающих на берег, несутся огненные струи и крутящиеся блестящие воронки. Потом молодые холостяки отправились дальше на свои участки и катались взад и вперёд в молодой зелени, рассказывая друг другу о том, что они делали, когда были в море. Они говорили о Тихом океане, как мальчики говорят о чаще леса, в которой собирали орехи, и если бы кто-нибудь понял речь котиков, он начертил бы такую карту океана, какой ещё никогда не бывало.

Трёх- и четырёхлетние холостяки понеслись с Холма Гутчинсона, крича:

— Прочь с дороги, молодёжь! Море глубоко, и вы не знаете всего, что в нём есть. Погодите, раньше обогните Горн. Эй ты, одногодка, где ты взял эту белую шубу?

— Нигде не взял, — ответил Котик, — она выросла!

Как раз в ту минуту, когда он хотел опрокинуть говорившего, из-за песчаной дюны вышло двое черноволосых людей с плоскими красными лицами, и Котик, ещё никогда не видевший человека, сердито кашлянул и опустил голову. В нескольких ярдах от людей холостяки сгрудились, глупо глядя на них. Пришедшие были важные личности: Керик Бутерин, глава охотников на этом острове, и Паталамон, его сын. Они пришли из маленькой деревни, стоявшей меньше чем в полумиле от «детских», и теперь толковали, каких котиков следует прогнать к бойням (котиков гоняли совсем как овец) с тем, чтобы позже их шкуры были превращены в куртки.

— Хе, — сказал Паталамон, — посмотри-ка! Белый котик!

Лицо Керика Бутерина побелело, несмотря на слой сала и копоты, покрывавший всю его кожу (он был алеут, алеуты же очень неопрятны).

И охотник забормотал молитву.